

ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ И ВАРВАРЫ

Несколько упрощая ситуацию, можно утверждать, что историческая наука традиционно развивалась в двух основных направлениях, первое из которых – исследование зоны цивилизации, начиная с ее отдельных очагов и, второе – изучение «варварской» периферии. При этом цивилизация изучается преимущественно на материалах письменных источников, а «варварство», соответственно, – на данных археологии. Это и понятно, своей письменности у варваров, как правило, не было, а ее заимствование относилось ко времени, когда у них побеждала цивилизация. Проблемы взаимодействия цивилизации и варваров нашли свое отражение во многих работах. Так, в теоретическом плане на примере Древней Европы ее в свое время рассмотрел А.М. Хазанов [1971]. Военным контактам цивилизации с варварской периферией (на примере Рима) была посвящена монография А.И. Ременникова [1954], а из последних работ нужно назвать монументальную по масштабу и блестящую по изложению книгу М.Б. Шукина «Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура» [2005]. Примеры можно умножить – дело не в них: историю древности и средневековья не так уж часто рассматривают как *историю системы взаимодействия* варварства и цивилизации, хотя отдельные вопросы, конечно, ставились и изучались.

Несколько особняком здесь стоит Северное Причерноморье – оно практически всегда изучалось не просто как обширный регион «На краю Ойкумены», а своеобразный стык, зона взаимодействий варварского (киммерийцы, тавры, скифы, сарматы, синды, меоты) и античного (греки и римляне) миров, о чем уже многократно писалось в литературе. В большей степени это относилось к Боспору Киммерийскому, несколько в меньшей – к Ольвии и, конечно, Херсонесу Таврическому, который, как писал еще Гай Плиний Секунд «был самым блестящим пунктом на всем этом пространстве благодаря сохранению греческих обычаев» (Плиний, IV, 85).

Что касается эпохи Великих миграций, то это особая страница в истории Европы, Причерноморья, Крыма и Таврического Херсонеса. В русскоязычной литературе она получила название Великого переселения народов. И это неслучайно. Произшедшие на рубеже античности и средневековья серьезные этнополитические перемены привели к зарождению как современной Европы, так и всей современной Евразии в целом. «Скифские войны», предшествующие этим событиям, потрясли Римскую империю, нашествия гуннов вызвали «эффект домино», сыграв своеобразную роль мощного толчка, разрушившего прежнюю систему отношений. «*Хуны восстали на аланов, аланы на готов, готы на тайфалов и сарматов*» – красочно описал эти события, например,

Амвросий Медиоланский [Амвросий, 1949, с. 233].

Рассмотрим с этих позиций ситуацию в Херсонесе Таврическом на одном из переломных моментов его истории. Вряд ли удастся представить все детали этой непростой темы данного периода – скорее хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты и события истории Таврического Херсонеса, имеющие для него ключевое значение.

Первое из них – окончательный уход римлян из Херсонеса и Юго-Западного Крыма [Зубарь, 2004, с. 211, 212, 223]. Город оказался без поддержки внешней силы, которая играла в I-III вв. ключевое значение для выживания города, и теперь с окрестными варварами нужно было выстраивать новую систему взаимоотношений.

И начавшаяся эпоха Великого переселения должна была ответить на вопрос – выживет ли сам Херсонес? Это было время, когда близился к окончанию IV век. У каждого из трех основных античных центров Северного Причерноморья складывалась своя судьба: «счастливая» доселе Ольвия более не возродилась [Крапивина, 1993, с. 6, 157], Боспор катился к закату [Болгов, 1996], будущее Херсонеса было совсем неясным... к стенам подступали новые волны варварских племен, а территория его хоры сократилась как шагреновая кожа.

Как правило, ученые не проявляли большого интереса к античному Херсонесу этого времени. Обычно и часто свои труды они заканчивали IV веком; в качестве примера можно назвать работы В.И. Кадеева [1970]. Традиция эта несколько была поколеблена в последние годы. Работами В.М. Зубаря, С.Б. Сорочана, А.В. Сазанова, когда рамки античной эпохи применительно к Херсонесу и Северному Причерноморью оказались несколько раздвинуты, и, как было показано, античность здесь (как система элементов культуры, экономики, политической структуры) продолжалась и позднее, вплоть до середины или даже конца VI в. И хотя конкретных исследований о Херсонесе позднее IV в. совсем немного, состояние источников позволяет обозначить основные вехи и выявить назревшие проблемы.

Впрочем, пока довольно сложно говорить о государственном устройстве Херсонеса этого времени – источников по этой проблеме не так уж много, и они требуют специального анализа. Одними из первых, кто обратился к проблеме политического и экономического положения города в это время, в современной историографии были В.М. Зубарь и С.Б. Сорочан [1998]. Несмотря на декларированные в заглавии их статьи хронологические рамки конца V – VI вв., авторы рассматривают и события с конца IV в.: именно к этому времени можно отнести упоминаемый в источниках отряд баллистариев (который существовал и позднее – при императоре Зеноне [Херсонес Таврический..., с. 513-517]) и масштаб-

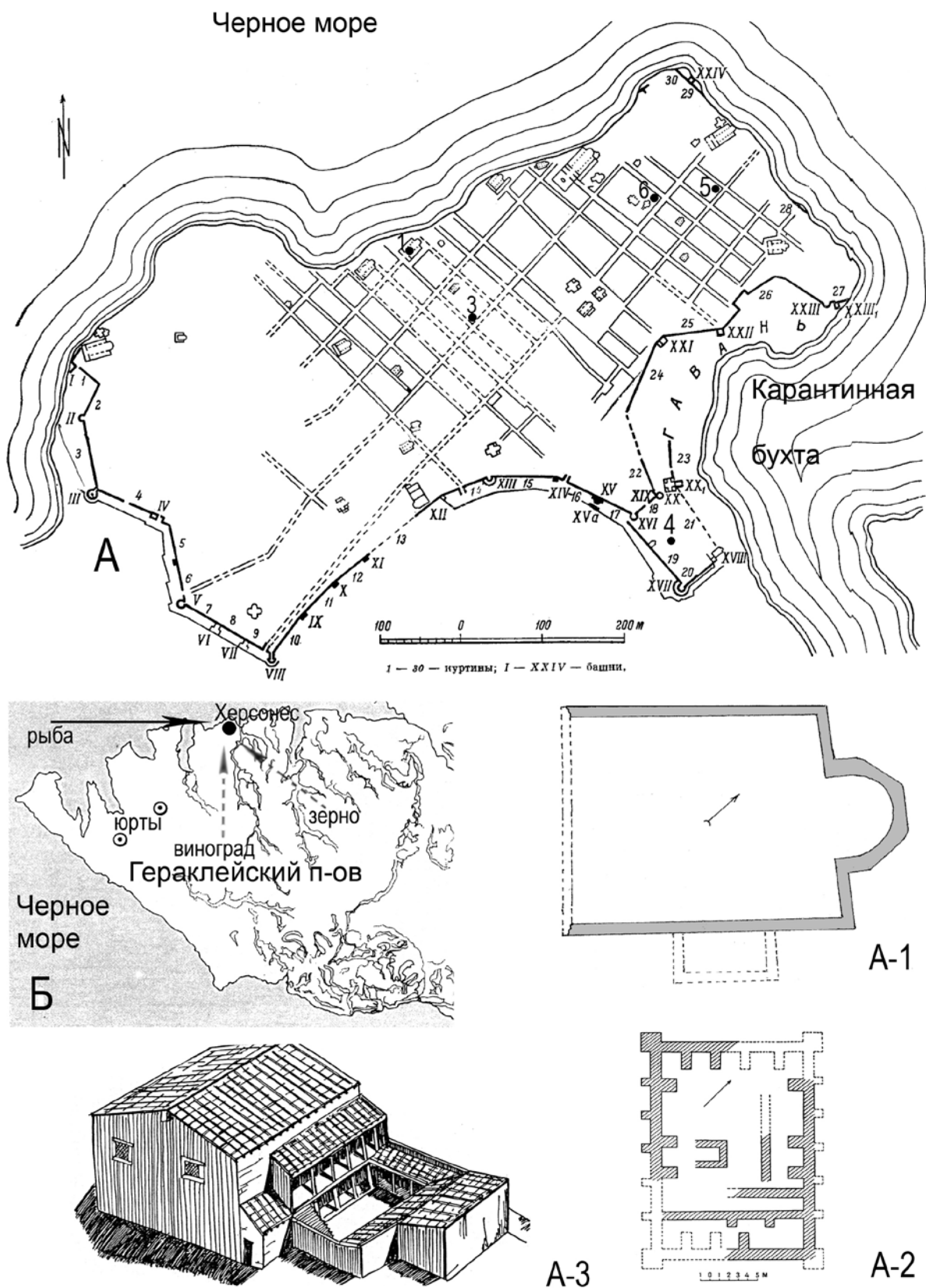

Рис. 1. Херсонес Таврический в конце IV – первой половине V вв. А. Схематический план Херсонеса (по А.Л. Якобсону, 1959); некоторые комплексы этого времени: 1 – базилика V в. (№ 1) («Базилика 1935 г.») (по Д.Ю. Коробкову); 2 – зернохранилище; 3 – «дом винодела»; 4 – термы в цитадели; 5 – винодельня в ХСVII квартале; 6 – винодельня в III квартале. Б. Гераклеийский полуостров. Экономическая ситуация.

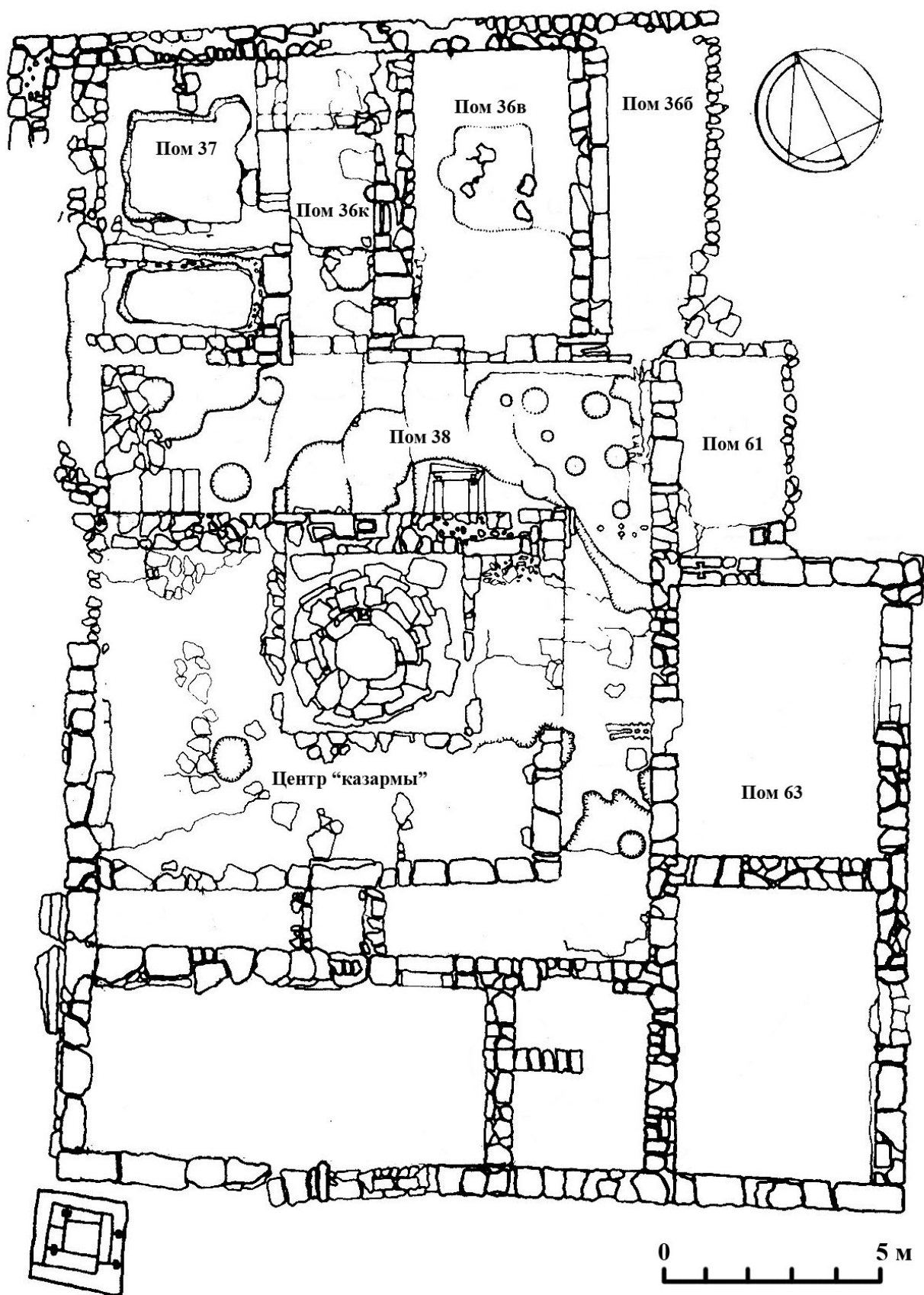

Рис. 2. Комплекс «Казармы» в Портовом районе Херсонеса.

ные перестройки в херсонесской цитадели [Зубарь, Сорочан, 1998, с. 119]. В целом же делается вывод, что во взаимоотношениях Херсонеса с империей в конце V в. сохранялся тот же порядок, что и в конце III-IV вв. [Зубарь, Сорочан, 1998, с. 120]. А об укреплении позиций империи с конца IV в. свидетельствуют две херсонесские строительные надписи с именами римских чиновников разного ранга [Херсонес Таврический..., с. 511 и сл., 520]. В это же время в городе функционировало и местное самоуправление во главе с патером [Херсонес Таврический..., с. 522-523].

Обратимся теперь к материальным свидетельствам жизни города и попробуем выяснить, как материальная культура отразила изменение в экономической и этнополитической ситуации, как в самом Херсонесе, так и в его округе. Архитектурный его облик представляется нам достаточно гипотетичным. Хотя оборонительные стены и перестраивались, о чем красноречиво утверждали как авторы прежних работ [Гриневиц, 1927; Якобсон, 1959, с. 114, 115], так и новых исследований [Самойленко, 2011а, 2011б], они стояли на прежнем месте – город занимал ту же территорию, что и раньше (рис. 1, А). Однако строительные остатки жилых домов и производственных комплексов сохранились до настоящего дня в целом столь невыразительно, что позволяют говорить только о некоторых из них, существовавших в позднеантичное время. Среди них нужно назвать здание «Казармы» (рис. 2) в Портовом районе, которое пусть и с существенными перестройками, но продолжает функционировать. Правда, характер его так до конца и неясен – в северо-западной части этого большого комплекса обнаружены колодец и цистерны, засыпанные к этому времени грунтом с керамикой, позволяющие интерпретировать его как винодельческий комплекс [Дьячков, 2007, 54]. А в одном из помещений зафиксированы остатки керамической (предположительно) печи [Золотарев, Коробков, Ушаков, 1998, л. 34, рис. 31-33, 60] (рис. 3). Внимательный анализ, проведенный А.В. Буйских, позволил назвать еще несколько зданий, существовавших в это время в Херсонесе. Одно из них может интерпретироваться как латрина, другое (построенное в I в. и просуществовавшее до IV-V вв. [Белов, Стржелецкий, 1953, 85]) – хозяйственно-жилого назначения [Херсонес Таврический... с. 293], возможно, служило зернохранилищем (рис. 1, А-2), третье – термы (рис. 1, А-4) (в южном районе и цитадели города) [Буйских, 2008, с. 216-226].

Отдельно нужно сказать о городских винодельнях. Так, например, хрестоматийно известный уже с послевоенного времени «дом винодела» (раскопки Г.Д. Белова 1947 г.) (рис. 1, А-3) теперь перестраивается в склад, где в новых пифосах хранится соленая рыба [Белов, 1952, с. 232]. В это время свое существование прекращает и открытая работами М.И. Золотарева в 1979 г. винодельня в III квартале (рис. 1, А-6; 4-7), – это показал новый анализ материалов раскопок. Сопоставляя датировки амфорных материалов и находок краснолаковой керамики,

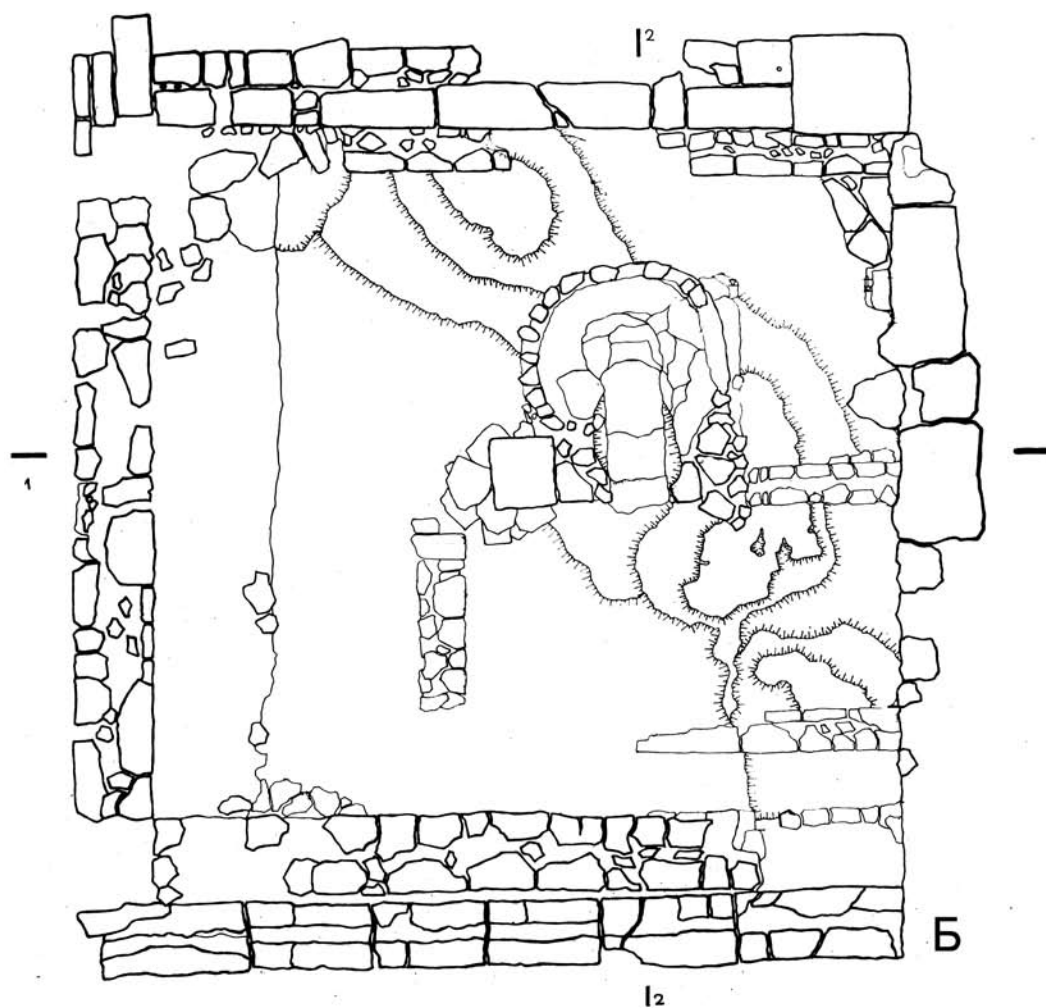
можно уверенно заключить, что эта винодельня прекратила свое существование не позже первой половины VI в. н.э., и вероятней всего, это событие произошло в хронологических рамках второй половины V – начала VI вв. [Ушаков, Струкова, 2008, 154]. Еще одна винодельня с пифоссарием обнаружена в ХСVII квартале Северо-восточного района городища (рис. 1, А-5; 8). Комплекс керамических (фрагментов амфор и краснолаковой керамики) (рис. 7) и нумизматических находок из слоя насыпи, перекрывающей пифоссарий винодельни, позволяет утверждать, что время ее образования не выходит за хронологические рамки середины – конца IV – середины V вв. н.э. Винодельни здесь демонтируются, как представляется, в начале второй четверти V в. [Струкова, Ушаков, 2011].

Случайно ли это? Новые исследования позволяют утверждать, что нет. Хорошо известно, что в позднеклассическое и эллинистическое время экономика Херсонеса базировалась на товарном производстве вина, которое дополнялось выращиванием злаков на дальней хоре в Северо-Западном Крыму. В первые века нашей эры владения Херсонеса распространялись только на его ближнюю хору, но и этого до поры было достаточно для более-менее сносной жизни: экспорт вина по-прежнему приносил значительный доход. Так, по расчетам С.Б. Сорочана общая площадь под земельными наделами на Гераклеийском полуострове тогда составляла около 10000 га земли, из которых под виноградники отводилось чуть менее ее половины. На этих площадях можно было получать миллион декалитров готового продукта, из которых на вывоз могло поступать 700-800 тыс. декалитров вина, за что можно было получить 1 млн. 400 тыс. – 1 млн. 600 тыс. денариев [Сорочан, 1997, с. 112-113]. Правда, винодельни теперь стали располагаться и в городе, и, если они все же прекратили свое существование, то произошло нечто серьезное.

Как можно заметить, меняется в целом характер материальной культуры, по крайней мере, тот аспект, который может оценить археология. В частности, именно с середины - конца IV в. (или чуть позже), распространяются новые типы тарных сосудов, ставших широко известными в Причерноморье: амфоры Делакеу и «морковки» (рис. 8, 7-10), с «перехватом» коричневой глины (рис. 8, 6, 11), «Газа» (рис. 8, 5), тонкостенные коричневоглиняные «самосские» (рис. 8, 12-14), с рифлением стенок типа «набегающая волна» (рис. 8, 2-4) и другие. Выделяются также из общей массы находок заканчивающие свои циклы бытования светлоглиняные узкогорлые тарные сосуды (рис. 8, 16-19), красноглиняные с профилированными ручками (рис. 8, 21), с воронковидным горлом. Встречаются амфоры оригинальных форм (рис. 8, 1, 20, 22). Одновременно в комплексах появляются и новые типы столовой краснолаковой посуды: понтийской позднеримской группы (рис. 9, 4-10, 29-31), фокейской сигилляты (рис. 9, 1-3, 11-13). Есть и керамика североафриканского происхождения, хотя ее относительно немного. Подходит к концу цикл бытова-

A

Б

Рис. 3. Гончарная печь в «Казарме». Раскопки 1998 г. А. Вид с юго-востока. Б. План.

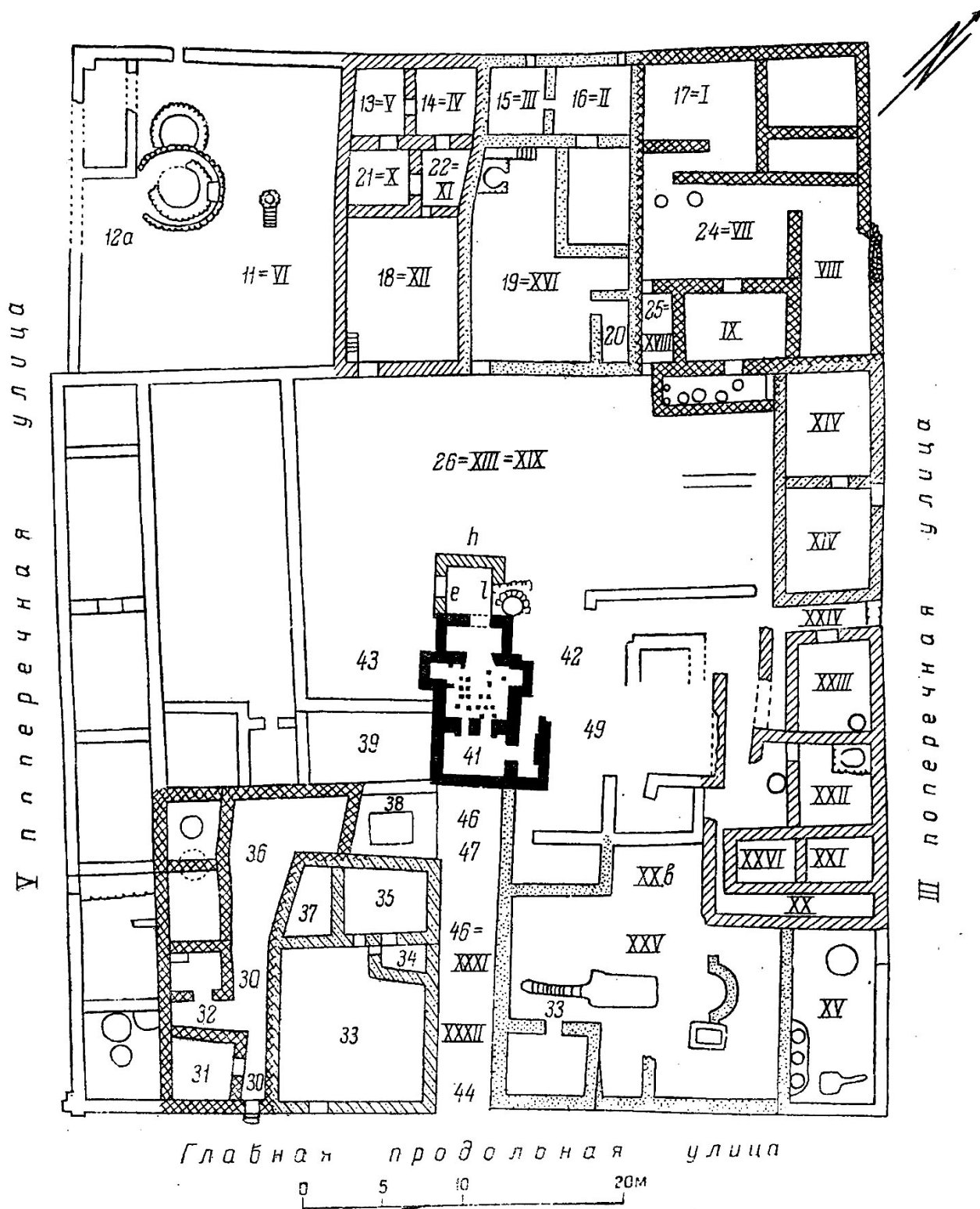

Рис. 4. III квартал Северо-восточного района Херсонеса (по М.И. Скубетову).

ния (и производства) херсонесской [Ушаков, 2004, 293] сигилляты (кувшины, чашки, миски и блюда) (рис. 9, 21-23, 28, 32-36). Впрочем, однозначно определить место производства многих «поздних» краснолаковых сосудов пока не всегда представляется возможным. Новые формы стеклянных сосудов также широко распростра-

няются именно с этого времени [Голофаст, 2001].

Смена материальной культуры хорошо, как мы только что убедились, видна по итогам многолетних масштабных раскопок в Северо-восточном районе Херсонеса (кварталы I-III, ХСVII, С, базилика Крузе), в Портовом районе («Казарма»), у базилики 1935 года

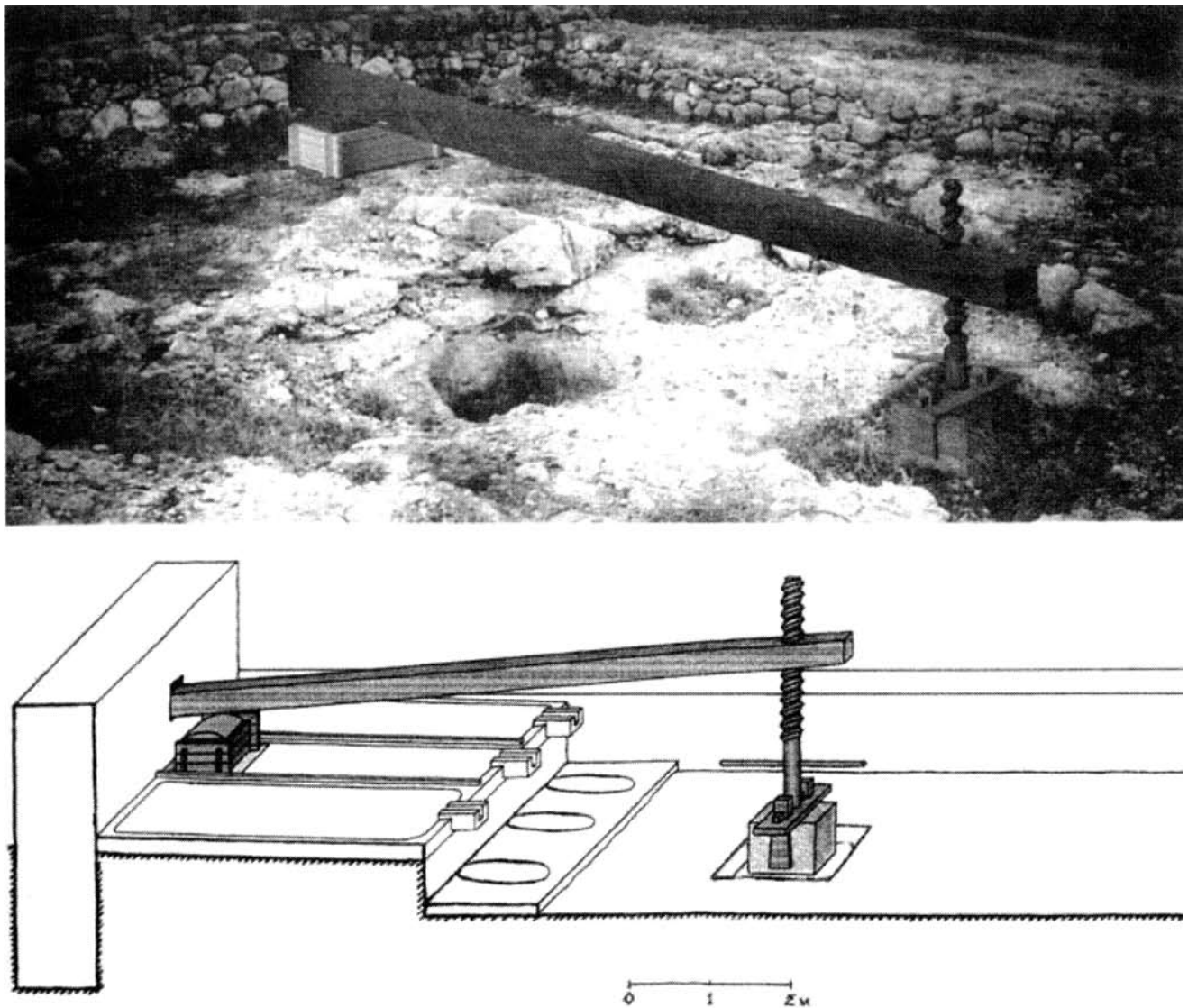

Рис. 5. Винодельческий комплекс в III квартале. Реконструкция Н.П. Андрущенко.

[Ушаков, 2010а, рис. 4, 10, 11], а также в других районах города [Сазанов, 1999, с. 226-230; Голофаст, Рыжов, 2000]. Предварительный анализ находок позволяет заключить, что экономические связи Херсонеса в значительной степени замыкаются на бассейн Черного моря – восточно-средиземноморской и североафриканской керамики в комплексах относительно немного [Ушаков, 2011в].

В это время начинает складываться свой «византийский мир», а Херсонес, превращаясь в Херсон, постепенно становится его составной неотъемлемой частью. Это помогает, в свою очередь, противостоять новым волнам варваров, которые заселяют долины Юго-Западного Крыма. Их поселки в этой юго-западной части полуострова, за исключением обнаруженных кое-где жалких остатков стен, до сих пор не найдены. Однако о кипевшей здесь когда-то жизни говорят находки древних кладбищ; это – некрополи «поздних скифов», трупосожжения германцев (готов?), склепы и подбойные могилы, считающихся аланскими, редкие погребения

гуннов. Частью люди, оставившие их, к этому времени уже ушли, другие сосуществовали, образуя сложный и парадоксальный симбиоз племен, общин, культур и языков.

И эта система складывалась уже довольно давно. Достаточно вспомнить, что в эпоху, предшествующую «скифским войнам» в ближайшем окружении Херсонеса жили потомки уже мирных «поздних скифов», оставившие могильники в долине р. Бельбека, о чем можно говорить на основе исследований многих авторов. Среди этих некрополей нужно назвать Вишневое, Бельбек IV, Бельбек III, Бельбек I [Печенкин, 1905], Мамай-Оба. На северной стороне нынешнего Севастополя обнаружены также могильники, расположенные к западу от Михайловской батареи, в Панайотовой балке [Высотская, 1972, рис. 20] и в бассейне Черной речки – некрополи Черноречье [Бабенчиков, 1963] и Совхоз-10 [Стрелецкий, Высотская, Жесткова, Рыжова, 2003-2004; Труфанов, 2005-2009, Рис. 1].

Во второй половине III – IV вв. некоторые из этих

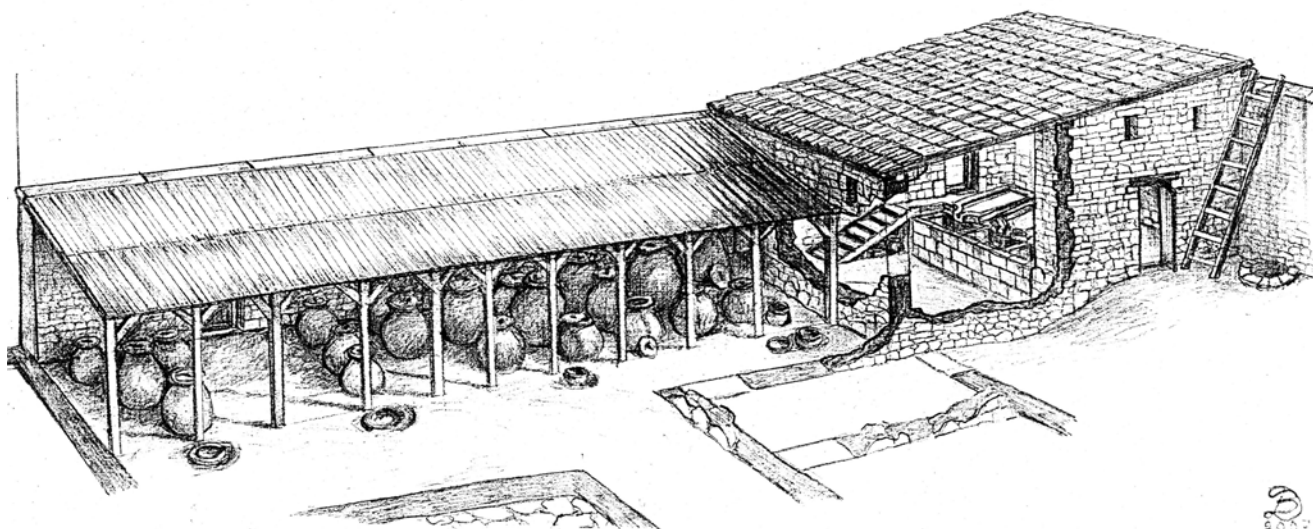

Рис. 6. Пифоссарий в XCVII квартале Херсонеса (раскопки М.И. Золотарева и С.В. Ушакова, рис. В.В. Дорошко).

могильников продолжают активно использоваться. Среди них: Вишневое (раскопки Е.Я. Туровского), Бельбек I, Черноречье, Совхоз-10; появляются и новые, вблизи Херсонеса – Инкерманский (у устья Черной речки) [Веймарн, 1963], Килен-балка (раскопки О.Я. Савели), «Бертъе Деллагарда» (исследования А.А. Филиппенко, при участии автора статьи), Тенистое; далее, в глубине полуострова – Суворово [Зайцев, 1997; Юрочкин, 1997], Красный Мак [Лобода, 1992, 2005] и другие.

Специальное рассмотрение погребальных сооружений недавно открытых могильников Севастопольского региона, материалы которых еще только вводятся в научный оборот, позволяет, тем не менее, сделать ряд важных предварительных выводов. Среди этих некрополей – так называемый могильник «Бертъе-Деллагарда» (Инкерманская долина - северо-восточная часть Севастопольской зоны), Манто-фонтан (Балаклавский район г. Севастополя, в 4,5 км к югу от с. Оборонное – бывшее Камары) [Филиппенко, 1997], Карши-Баир (у ст. Верхне-садовая - на пути из Бахчисарая в Севастополь), могильник ВИР (п. Вавилово – Дальнее).

При этом, прежде всего, нужно иметь в виду, что эти могильники, как и почти все другие в этом районе, были разграблены еще в древности, а потом еще и неоднократно в новое время, поэтому применить точный статистический анализ к этому материалу затруднительно. Тем не менее, с учетом выше сказанного, анализ распределения погребального инвентаря показал, что не наблюдается существенного количественного и качественного различия между набором находок в склепах и подбойных могилах. Так, в могильнике Бертъе-Деллагарда, хронологические рамки существования которого - вторая четверть IV – начало V вв., у захороненных как в склепах, так и в подбоях были обнаружены фибулы, пряжки, бусы, серьги-колты, ножи и оружие (мечи и кинжалы), разнообразная посуда (лепная, краснолаковая, стеклянная). Несколько меньше инвентаря этого некрополя было в простых грунтовых могилах.

Схожие погребальные сооружения с аналогичными

(по обряду и основному набору инвентаря) обнаружены с могильнике ВИР¹. Керамический комплекс (лепная и краснолаковая посуда) по общему облику весьма напоминает керамику из других варварских погребений Крыма эпохи Великого переселения народов и должен быть поставлен в один типологический ряд с ними. Хронологические рамки могильника укладываются в промежуток середины – конца IV – начала V вв. н.э., а конструкции склепов и лепная керамика позволяет отнести могильник к группе памятников типа Озерное-Инкерман («Инкерманской культуры») [Юрочкин, 1997; 2007, прим. 21; Колтухов, Юрочкин, 2004, с. 179].

Некрополь Карши-Баир (рис. 11, 12) закрывает несколько иную хронологическую нишу – погребения этого могильника относятся к следующему временному периоду – V – VI вв. [Ушаков, Филиппенко, 2006а]. Ситуация с вещевым инвентарем тем не менее схожа – каждого погребенного сопровождали разнообразными предметами, украшениями, посудой (рис. 13, 14). Но в подбойных могилах их было все-таки несколько меньше. Следует обратить внимание также на то, что в могилах с женскими погребениями количество предметов больше, нежели в мужских.

Упомянем и могильник у источника Манто-фонтан около с. Оборонного. Склепы и подбой этого некрополя были вырыты в земляном грунте и расположены рядами на террасах по направлению восток-запад. Одна грунтовая могила частично перекрывала впускную яму подбоя, другая - дромос одного из склепов. Установлено, что неграбленные склепы содержали 3-4 погребения. Могильник служил местом погребения жителям близлежащего поселения. Отметим, что часть черепов из собранного антропологического материала имеет ярко выраженную деформацию. Сопроводительный инвентарь разнообразен: краснолаковые блюда,

¹ Раскопки А.А. Филиппенко. Материалы одного из склепов нашли свое отражение в докладе С.В. Ушакова и А.А. Филиппенко на конференции в Судак в 2008 г. (доклад пока не опубликован).

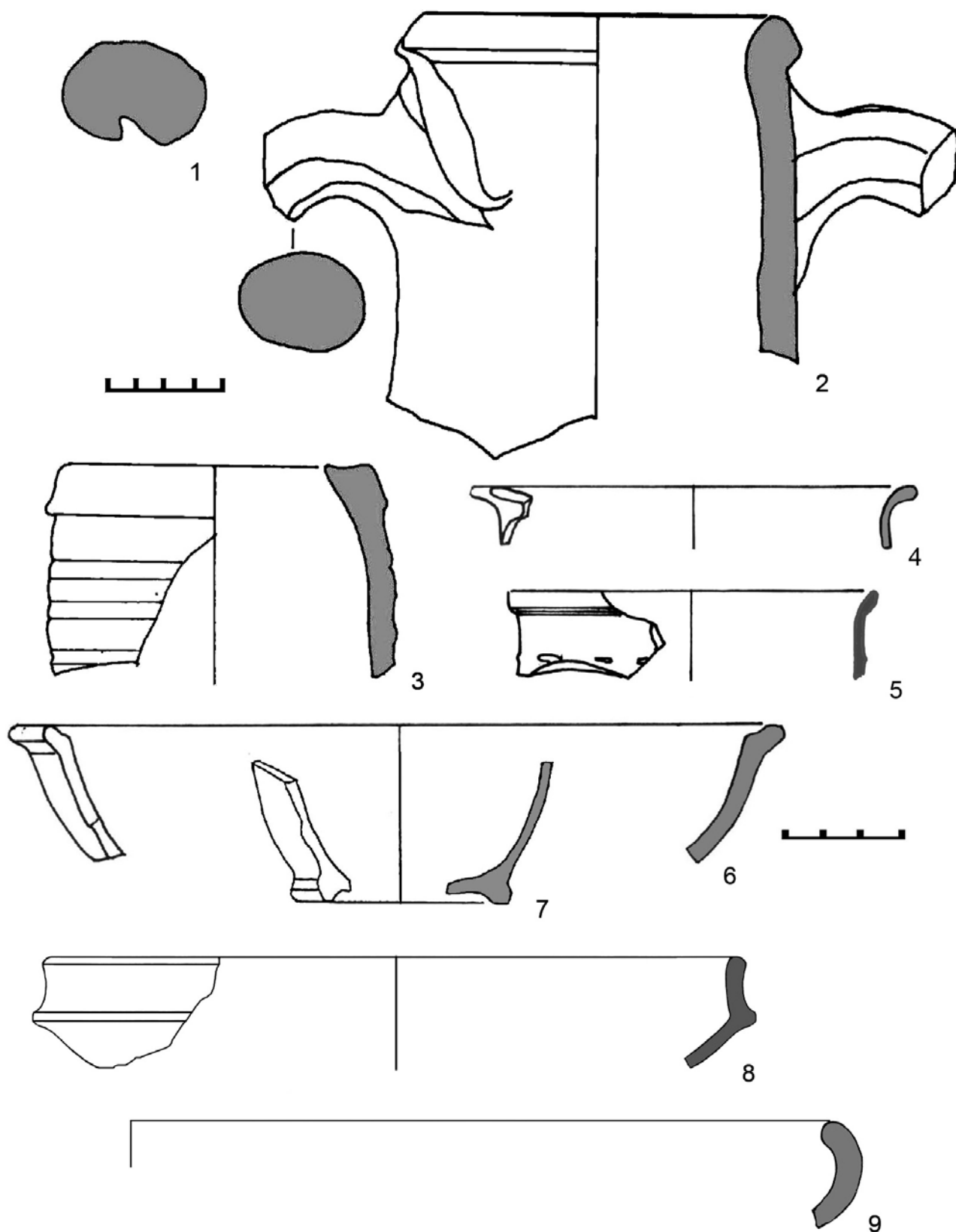

Рис. 7. Материалы из слоя, перекрывающего пифоссарий в XCVII квартале.

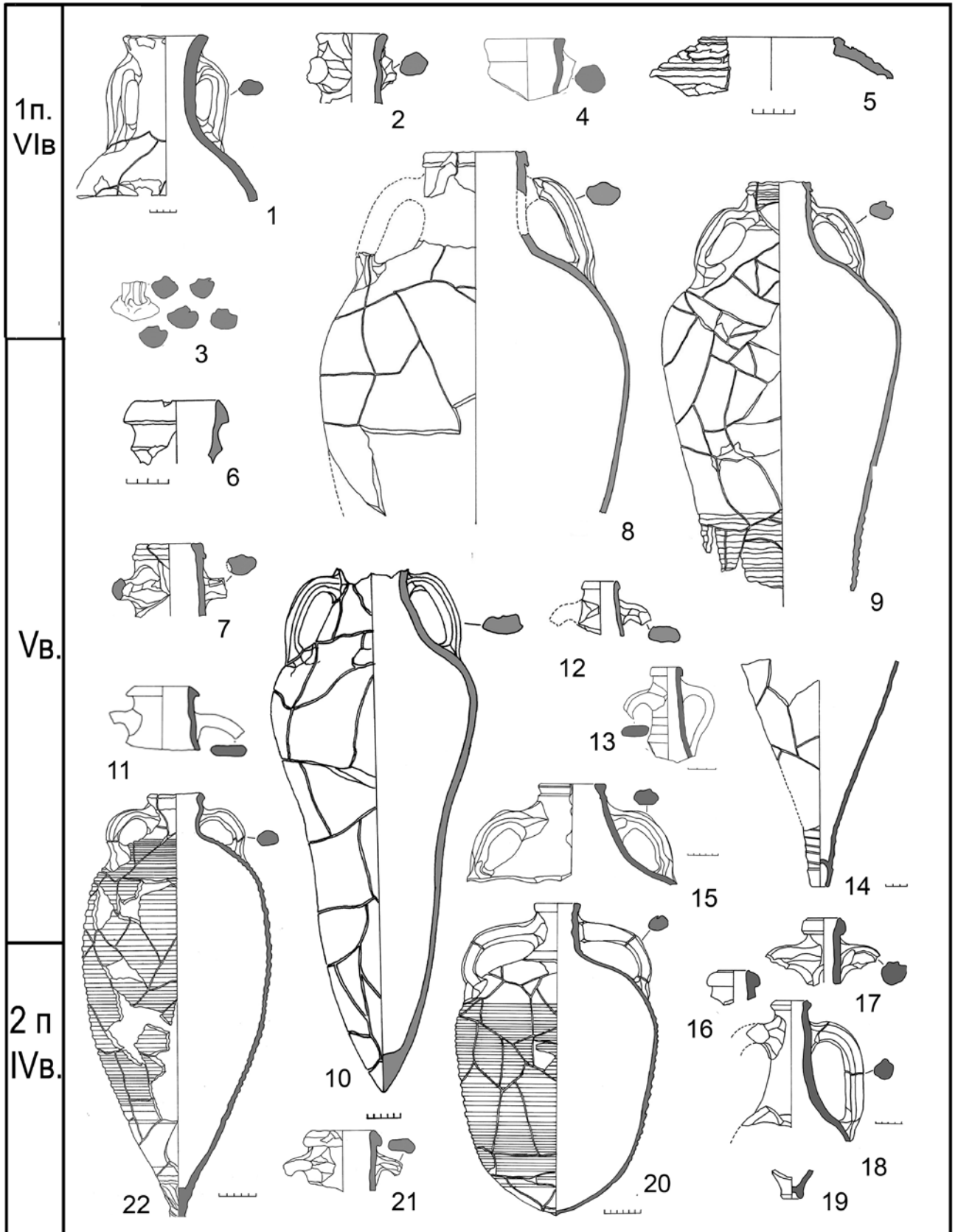

Рис. 8. Керамический комплекс Херсонеса ранневизантийского времени (амфоры, по материалам Северо-восточного района).

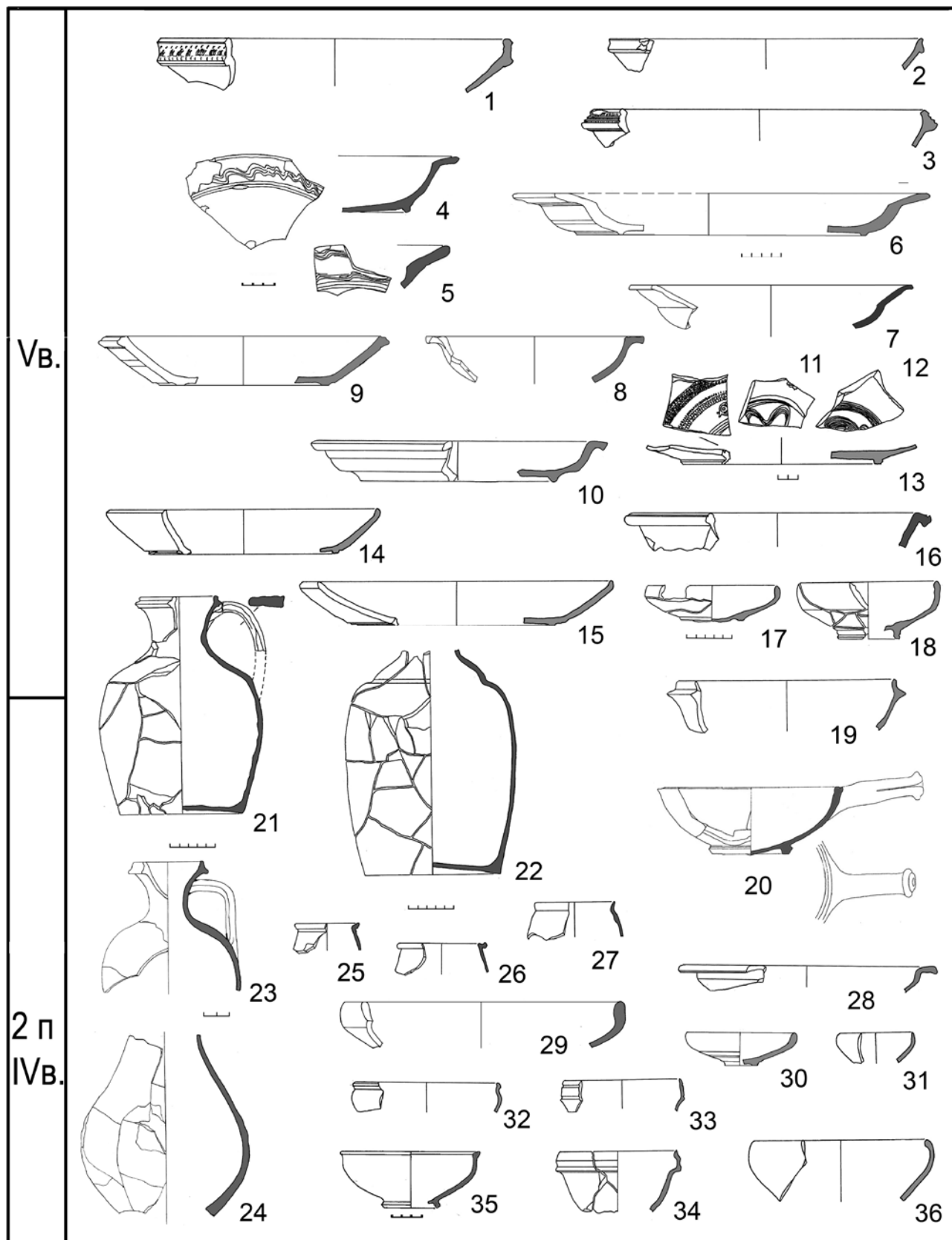

Рис. 9. Краснолаковая керамика ранневизантийского времени (по материалам Северо-восточного района).

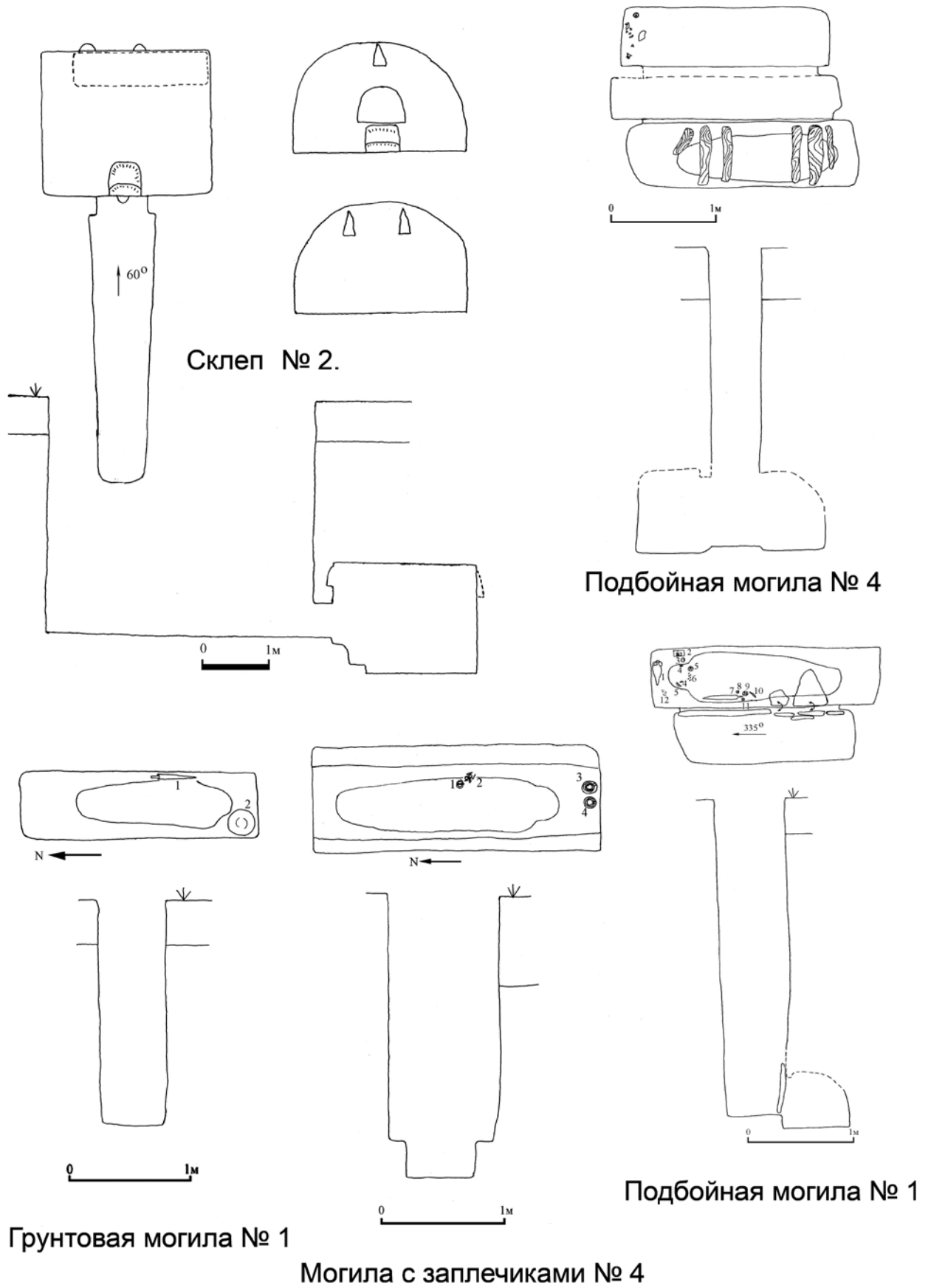

Рис. 10. Могильник «Бертъе-Делагарда». Типы погребальных сооружений (по А.А. Филиппенко).

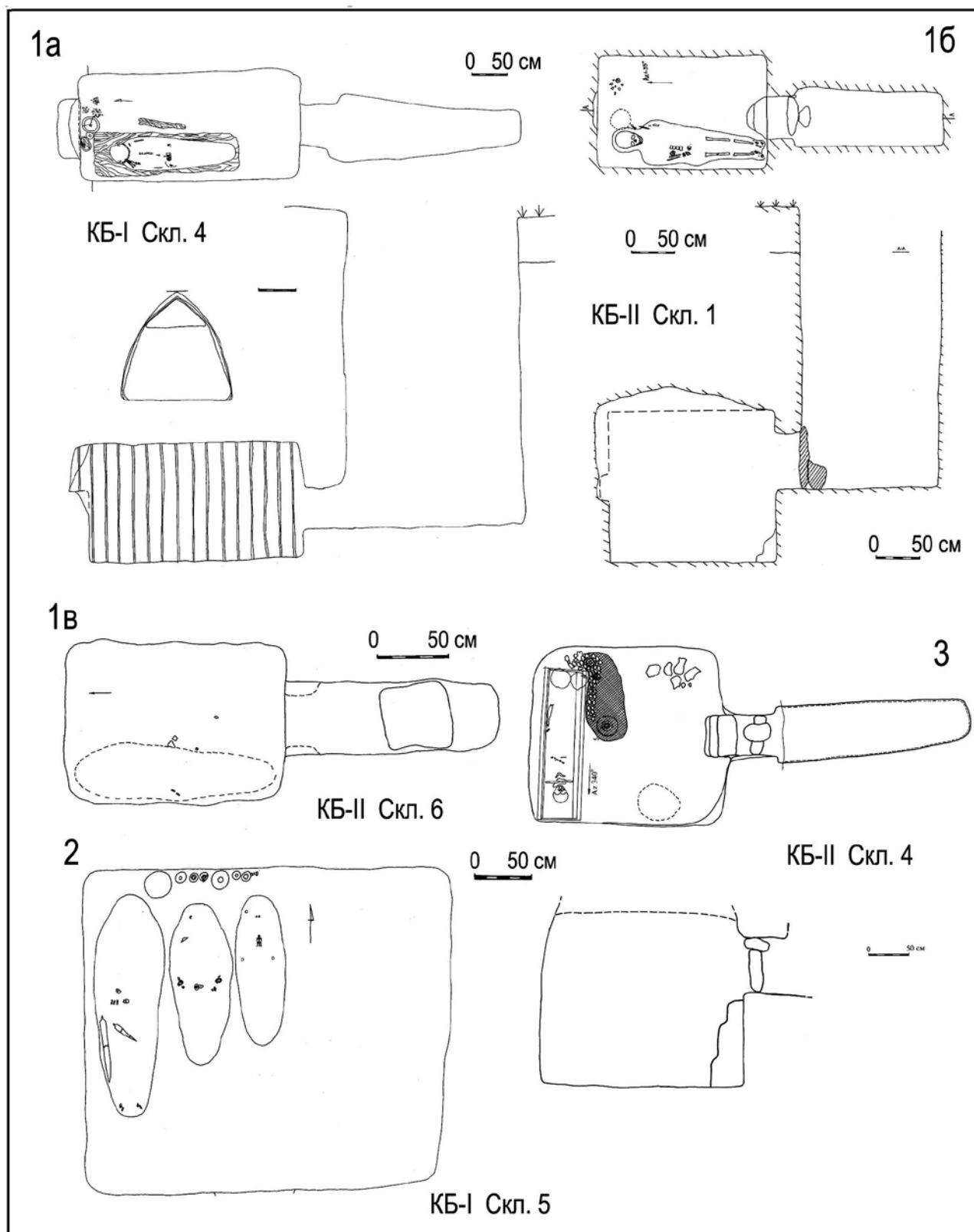

Рис. 11. Могильник Карши-Баир. Типы склепов.

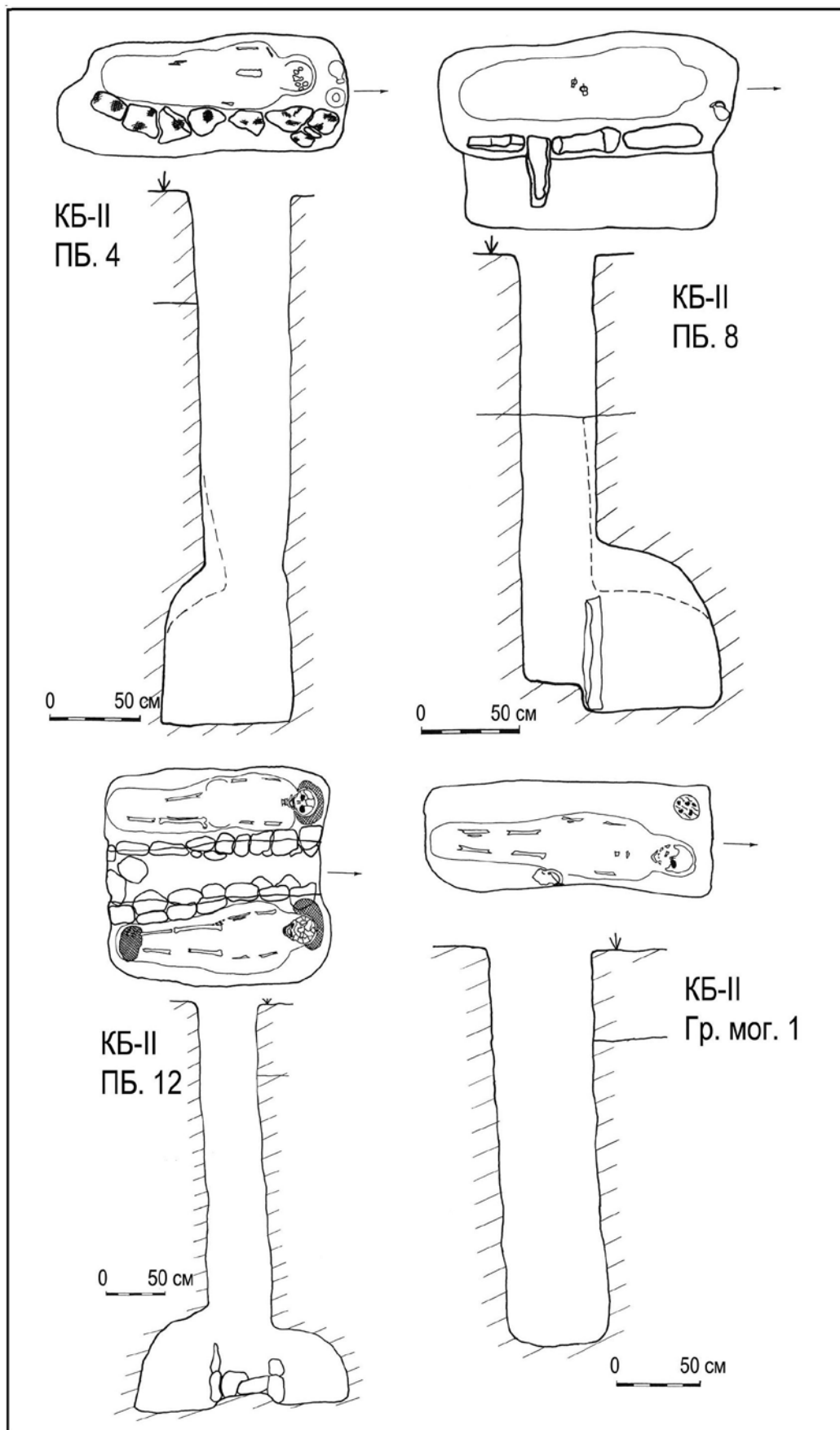

Рис. 12. Могильник Карши-Баир. Подбойные и простая могила.

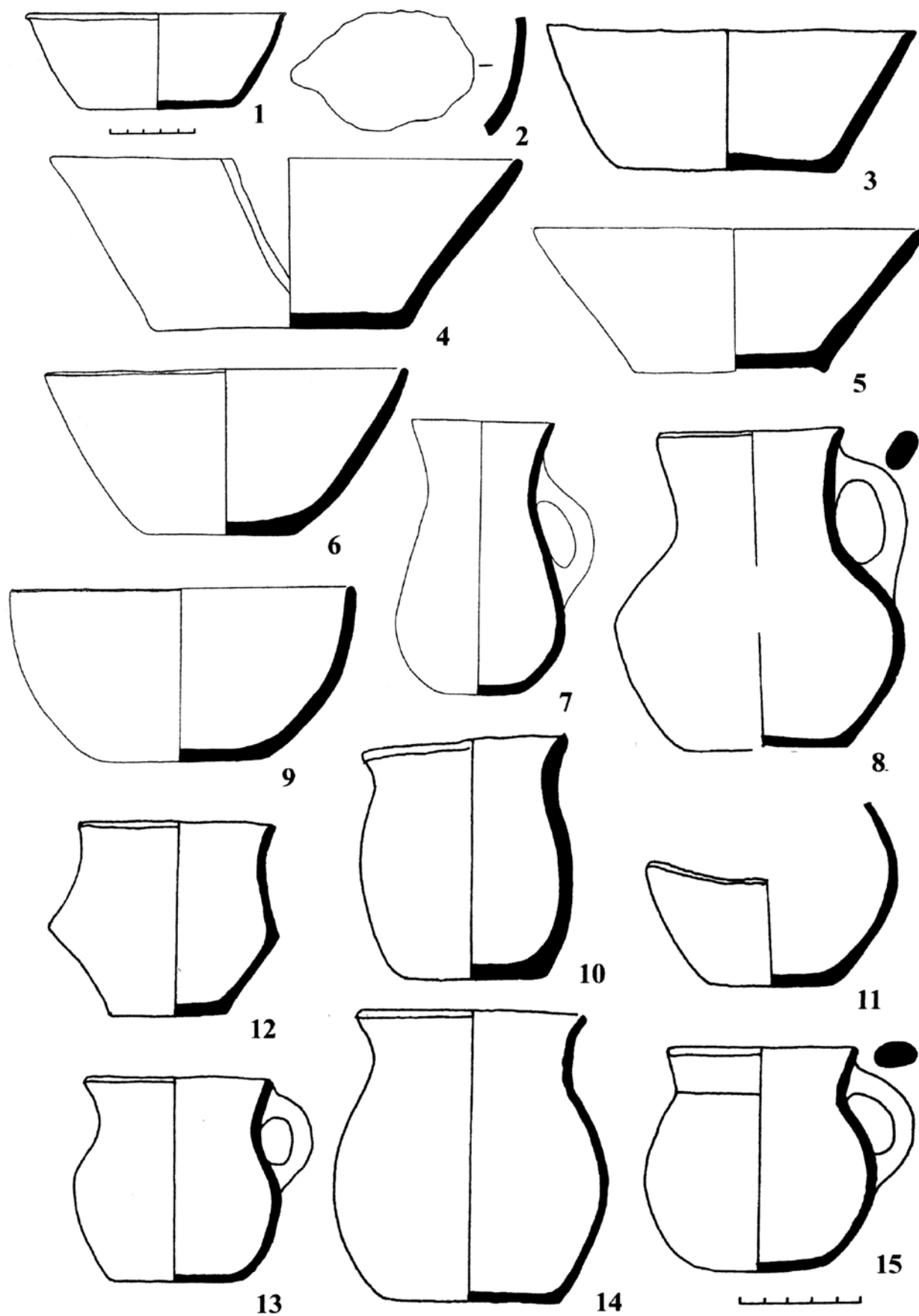

Рис. 13. Могильник Карши-Баир. Лепная керамика.

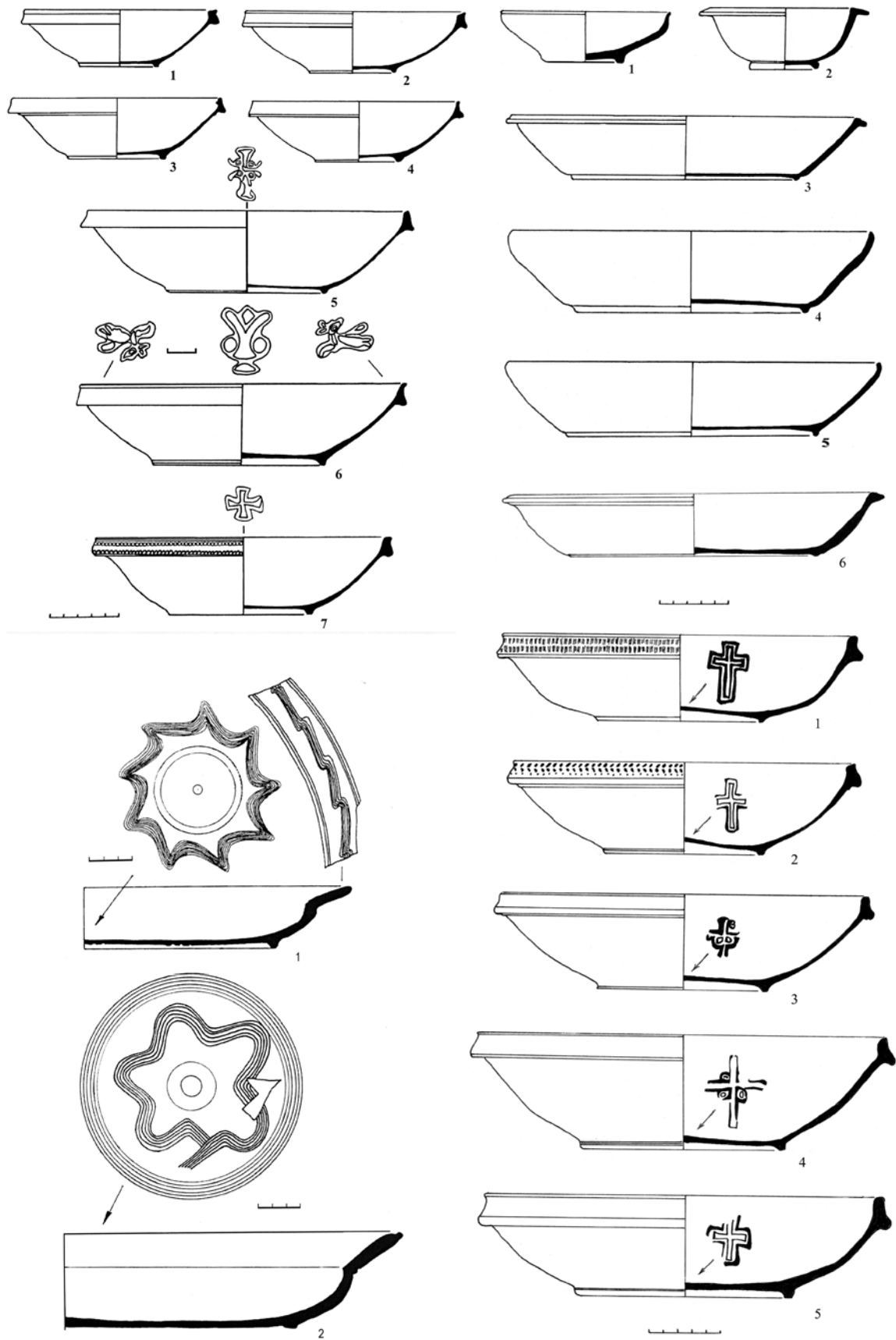

Рис. 14. Могильник Карши-Баир. Краснолаковая керамика.

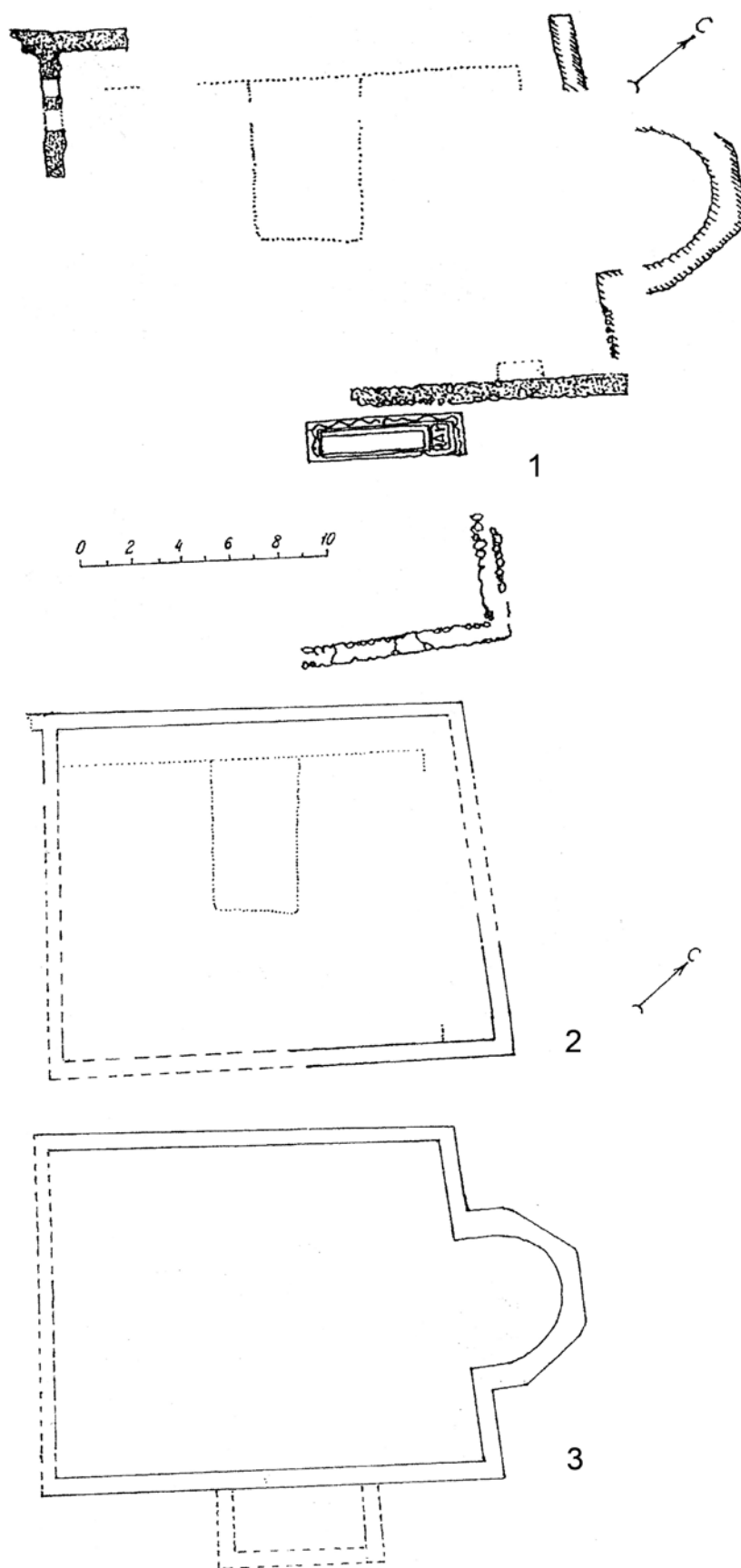

Рис. 15. «Базилика 1935 г.». 1. Комплекс строительных остатков. 2. План синагоги. 3. План базилики V в. (по Д.Ю. Коробкову, 2001).

стеклянные сосуды, стеклянные и пастовые бусы, перстни, различные серебряные и бронзовые пряжки, двухпластинчатые фибулы, монеты. Полученный археологический материал позволил предложить датировку могильника в хронологических рамках V-VI вв. [Филиппенко, 1997].

Предварительный анализ комплексов материалов погребений округа Херсонеса-Херсона позволяет заключить, что большая часть могильников появляется во второй половине III или в начале IV вв.; прекращают они свое существование в основном в начале или середине V в. Большинство могил варваров можно отнести к периоду от второй половины – конца IV в. до конца V – начала VI в., хотя во второй половине V - VI вв. их уже значительно меньше². Синхронные им памятники предгорий и степи - отдельные захоронения кочевников и клады изделий полихромного стиля, связаны, очевидно, с другой историко-культурной реальностью - гуннским племенным союзом. Со второй половины VI века наблюдается значительное увеличение количества могильников в глубине юго-западной части Крымского полуострова. Можно сказать, что VI в., таким образом, в археологическом и, соответственно, этнополитическом смысле, является еще одной разделительной вехой эпох.

Исходя из представленной нами археологической ситуации в регионе, мы можем оценить изменение ситуации реальной. Земли не пустуют: в районе Верхнесадового живут аланы, оставившие могильник Карши-Баир; близкое по типу население живет в Инкерманской и Балаклавской (могильник Манто-Фонтан и др.) долинах. Как мы видим, материалы могильника Карши-Баир позволяют утверждать, что там продолжали хоронить и во времена предполагаемого господства гуннов в причерноморской степи. Обычно считается, что аланы, спасаясь от гуннов, переселились в горную часть полуострова [Айбабин, Пиле, 2002, с. 7]. По мнению А.И. Айбабина, аланы к этому времени ушли со склонов Третьей гряды Крымских гор вглубь, оставив могильники в Нейзаце, Дружном и Перевальном. В самом начале V в. как раз и возникают (и затем еще продолжают существовать) некрополи алан и германцев в Скалистом, у подножия Баклы, у Мангупа, в Лучистом, в низовьях Черной речки [Айбабин, 1999, с. 80-81]. А, судя по данным некрополя Карши-Баир и некоторых других памятников, аланы оставались в этих местах, как минимум, еще полтора-два столетия [Ушаков, Филиппенко, 2006б]. Таким образом, этот могильник (как и некоторые другие), начал интенсивно использоваться в период гуннского господства в Причерноморских степях. Вероятно, местное население (носители формирующейся культуры «типа Суук-Су», но с характерно

выраженными элементами круга аланских древностей), жившее тогда в крымских предгорьях, поддерживало с верхушкой гуннского союза мирные отношения. В то же время, оно являлось достаточно активными потребителями импорта из Херсонеса-Херсона, о чем говорит наличие в погребениях массы стекла, краснолаковой керамики, представленной, прежде всего мисками, а также блюдами типа поздний римский С формы 3/Фокейская сигиллята, Понтийской позднеимперской группы (по К. Домжалскому - PRS, form 1, 3) [Arsen'eva, Domzalski, 2002; Domzalski, 2000], в том числе и достаточно много, – с христианской символикой [Ушаков, Филиппенко, 2001] (рис. 14).

К середине VI столетия мы имеем на небольшой территории юго-западной части полуострова своеобразный «слоеный пирог» этносов и культур: Херсонес-Херсон становится здесь опорным пунктом Ромейской империи (Византии); далее к востоку и северо-востоку в предгорьях располагаются аланы; за ними в горных районах и на южном берегу – готы; к северу, уже в степи, заходя в предгорьях и зимую в глубине Гераклеийского полуострова – гунны (рис. 1Б) [Ушаков, 2010, с. 147, 153]. Как о сложившейся ситуации об этом писал Прокопий Кесарийский: *«Если идти из города Боспора в город Херсон, который лежит в приморской области и с давних пор подчинен римлянам, то всю область между ними занимают варвары из племен гуннов»* [Прокопий из Кесарии 1950, с. 388; § 4, 5 23, 27]. Название и местопребывание гуннского племени в Крыму уточняет готский историк Иордан: *«... альциагиры - около Херсона, куда жадный купец возит богатства Азии; летом они бродят по степям... Зимой же переходят к Понтийскому морю»* [Иордан, 1960, с. 72, § 37].

При этом надо иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, эти «этнические» наименования носят в значительной степени условный характер, и более поздние по времени появления этносы выступают в роли суперстрата по отношению к их предшественникам (субстрату), например, «поздним скифам». Во-вторых, население зачастую располагалось чересполосно, о чем можно судить по биритуальности некоторых могильников. Наконец, в-третьих, для этого региона характерна своеобразная позднеантично-ранневизантийская «вуаль», выраженная общими элементами материальной (в том числе, например, керамический комплекс) и духовной (утверждающееся христианство) культуры.

Этно-конфессиональная ситуация в самом Херсонесе тоже не проста: в преимущественно эллинском «языческом» море существует (вероятно, еще со II в. н.э.) иудейский островок со своей синагогой в Северном городском районе. Небольшая христианская община конца IV - начала V вв. [Виноградов, 2010] получает новый импульс в связи с экспедицией Капитона, и иудейская синагога перестраивается [Коробков, 2001] в пока единственный точно для этого времени известный христианский храм – базилику V в. с пятигранной апсидой (рис. 1, А-1; 15, 2, 3). Позднее в память об этих

² Система хронологии погребальных памятников Юго-Западного и Центрального Крыма времени Великого переселения народов как составной части хронологии Восточной Европы пока находится в стадии создания [Юрочкин, Труфанов, 2007].

событиях строится так называемый четырехапсидный храм в Западном районе города. Косвенно об этом может свидетельствовать и прекращение функционирования херсонесского театра – символа античной культуры. Другие христианские храмы появляются, по всей видимости, не ранее эпохи Юстиниана I. В частности, последние археологические раскопки комплекса базилики № 7 («Крузе») позволяют утверждать это уже определенно [Ушаков, 2011].

О масштабных перестройках в городе можно судить не столько по строительным остаткам или слоям разрушений, сколько по засыпанным колодцам и водосборным цистернам [Голофаст, Рыжов, 2000; Ушаков, Дорошко, Макаев, Кропотов, Струкова, 2006]. Зато в большом количестве продолжают строиться новые рыбозасолочные цистерны [Суров, 1948; Кадеев, 1970, с. 11-15]. Ясно, что экономическая «парадигма» в это время меняется окончательно следующим образом: место товарного виноделия замещает масштабное производство соленой рыбы (распространенное еще с первых веков н.э.), которое не столько кормит горожан, сколько, наряду с посреднической торговлей и развитием ремесел, начинает приносить основной доход городу и его жителям (рис. 1, Б).

Что же касается идеи континуитета материальной и

духовной культуры, развиваемой, прежде всего на материалах Боспора, то применительно к Херсонесу он очень неполон. С середины – конца IV – начала V вв. идет кардинальная смена керамического (шире – вещевого) комплекса, затем начинают строиться новые культовые (христианские) комплексы, что отражает и смену культуры духовной. Впрочем, в рамках самого переходного периода, который длился примерно до середины VI в., относительная преемственность основных элементов культуры наблюдается. Но именно эта переходная эпоха и создала условия для плавной «византинизации» когда-то одного из крупнейших центров античной культуры в Причерноморье.

В итоге можно заключить, что этот период ознаменовался в археологическом смысле хорошо документированными и все возрастающими разнообразными материалами. В результате рассмотрения которых (конечно, в предварительном плане) вполне обоснованным кажется заключение, что материальная и духовная культура Херсонеса (Херсона³), как и всей Восточной Римской империи (Византии), именно тогда начала постепенную трансформацию в нечто новое, что было связано как с глубинными изменениями в самом позднеантичном-ранневизантийском мире, так и в системе его взаимодействия с окружающим миром «ближних» варваров.

---

³ Перемена в названии города [Херсонес Таврический..., с. 538-544].

Abstract

S.V. USHAKOV

EPOCH OF GREAT MIGRATION OF PEOPLES: TAURICA CHERSONESE AND BARBARIANS

The problem of co-operation of barbarism and civilization on the example of history of Taurica Chersonese in an epoch of Great migration of people is examined in the article.

As a result of care of Romans from Chersonese and South-west Crimea a city appeared unsupported external force which played in I-III cc. key value for the survival of city, and now the new system of mutual relations lines up with neighboring barbarians.

In city in late roman time building bits and pieces were saved only separate building. In the end of IV - to the middle of V cc. town wine production (in North and the North-eastern districts) stop the existence. Character of material culture changes on the whole, and the preliminary analysis of complexes of finds allows to conclude that economic

connections of Chersonese are largely locked on the pool of the Black sea. Small Christian community of end of IV - V cc. began a new impulse in connection with the expedition of Capiton, and a Judaic synagogue reforms in a Christian temple - basilica of V c. with a pentahedral apse. Other Christian temples appear, morally, not early than in epoch of Justinian I. Within the framework of the most transitional period which lasted approximately to the middle of VI c., there is a relative succession of basic elements of culture. This transitional epoch and created terms for smooth "byzantinization" once one of the largest centers of ancient culture in black sea Region.

To the middle of VI c. we have an original "puff pie" of ethnos and cultures on small territory of south-west part of peninsula.